

В.Г. КИЧЕЕВ

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ЧЕРНОСОТЕННО-МОНАРХИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РОССИИ В НАЧАЛЕ XX в.

В начале XX в. в России разразился острейший политический, социально-экономический и национальный кризис. Одновременно с этим в империи начинается складываться партийно-политическая система как важнейший элемент гражданского общества, когда в относительно короткий срок сформировался развитый партийный спектр, отражавший все многообразие социально-политических интересов. Всего в России конца XIX–начала XX вв. действовало около 300 общероссийских и национальных партий¹, среди которых монархисты занимали важное место в политической палитре.

Следует отметить, что на фоне слабого внимания к непролетарским партиям в России начала XX в. черносотенцам явно «не повезло», так как советская историография не баловала их своим вниманием.

Переломным этапом в разработке истории правомонархических партий и организаций в России стали последние 15–17 лет, с возникновением новой российской государственности и постепенным складыванием современной российской историографии. «Информация о правых партиях и организациях, которой мы располагаем в настоящее время, — пишет Ю.И. Кирьянов, — десять лет тому назад заметно озадачила бы читателя. И это было понятно. Она содержит — в сравнении с аналогичной информацией в прошлом не только более всесторонние и полные данные о правых партиях — их численности, составе, программных установках, деятельности, лидерах, но и существенно иные, чем прежде, оценки их места и роли в партийном и общественном движении»². Весомый вклад в изучении ряда аспектов истории правомонархического движения внесли статьи Н.Г. Королевой, Ю.И. Кирьянова, С.С. Саидкасимова³. Особенно следует выделить исследование С.А. Степанова⁴, которое базируется на широком круге источников и, прежде всего, на фондах «Союза русского народа» и «Русского народного союза имени Михаила Архангела», Департамента полиции и Министерства юстиции, судебно-следственных материалах и личных фондах лидеров правого лагеря, находящихся на хранении в Государственном архиве Российской Федерации. Автор подробно рассматривает идеологию «черной сотни», структуру, социальный состав черносотенных союзов, их террористическую деятельность. Особое внимание исследователь уделяет проблеме численности «черной сотни». В российской историографии подчеркивается, что определение их численности вызывает затруднения из-за широко распространенного поголовного «причисления» и пассивного членства. Так, по данным С.А. Степанова во многих городах и местечках в погромах заметное участие принимали

крестьяне, приехавшие на базар или по иным надобностям. Автор считает, что в 1907–1908 гг. черносотенное движение, находившееся на пике своей популярности, насчитывало более 400 тыс. участников, однако к 1916 г. их стало на порядок меньше⁵. О сложности проблемы говорит тот факт, что О.А. Платонов предлагает считать эти 400 тыс. «патриотическим активом», а общую численность правомонархических элементов, связанных только с «Союзом русского народа», определяет в 2 млн человек, обращая при этом внимание на такие провинциальные организации, не имевшие всероссийских структур как православные братства, Общество хоругвеносцев, общества трезвости и др. в этой связи А.В. Посадский справедливо замечает, что «плавающая» статистика и стремительный закат в течение 10 лет некогда мощного черносотенного движения «заставляет внимательнее рассмотреть тот контекст, в котором оно зародилось и действовало»⁶. Е.М. Михайлова, экстраполируя ситуацию на Поволжье, подчеркивает, что статистику нельзя считать полной из-за отсутствия постоянного списочного состава организаций, а иногда и в силу недостоверности информации, переданной ими властям. Кроме того, разночтения содержатся и в официальных отчетах.

Представляется важным рассмотрение думской тактики правомонархических партий, отражение деятельности крайне правых в рабочей среде и в деревне. Анализ документов, специальные исследования деятельности «черной сотни», позволили современной российской историографии сделать важный вывод, касающийся социальной базы реакции и идеологии монархистов, которые отражали интересы «самых различных социальных слоев на резкие и бурные перемены в экономической и политической жизни России на рубеже двух веков»⁷. При этом стремление усилить позиции правомонархических организаций в деревне нашло отражение в публикации И.В. Омелянчука, проанализировавшего программные установки партий правого спектра по крестьянскому вопросу⁸.

Имевшиеся ранее представления о черносотенцах были существенно расширены благодаря публикации двухтомника документов и материалов о правых партиях в России в начале XX в.⁹ Одновременно с этим была продолжена традиция публикации программных документов основных типов политических партий, в том числе и черносотенных¹⁰. Среди них следует выделить сборник документов и материалов, освещающих национальный вопрос в программах политических партий России начала XX в.¹¹ Эта проблема в историографическом аспекте относительно правомонархических партий представляется наиболее перспективной, так как национальный вопрос являлся стержневым для всех вариантов программы «Союза русского народа». Основные программные положения Союза сводились к следующему: 1) русскому народу как «собирателю земли русской» должно принадлежать первенствующее значение в общественной жизни и государственной политике; остальные народности должны «служить» русскому народу, и от того, сколь верной будет их

служба, зависит степень их равноправия; 2) Россия — едина и неделима; 3) русскому языку должен быть предоставлен статус общегосударственного языка; 4) воинствующий зоологический антисемитизм.

В российской историографии продолжился также опыт, заложенный в начале XX в., публикации биографий лидеров политических партий. Особенно выделяется биографический словарь «Политические деятели России. 1917», где помещены биографии В.М. Пуришкевича и В.В. Шульгина¹². Имеющиеся публикации и документальные сборники помогают понять, что царизм оказывал всяческую помощь правомонархическим партиям, чьи программы не покушались на интересы правящего класса и воспринимались царизмом как проправительственная сила. Однако в процессе формирования черносотенства, правые организации вобрали в себя самые разнородные в социальном отношении слои общества, в том числе и деклассированный элемент и потому перестали соответствовать представлениям дворянско-помещичьих кругов о «союзниках» монархии. «Низы», были подвержены царистским иллюзиям, но они привнесли в движение иной настрой и лидеры черносотенного движения были вынуждены считаться с этим и учитывать в своей практической деятельности. Поэтому далеко не случайно правительство П.А. Столыпина стало подвергаться критике со стороны одного из руководителей «союзников» Дубровина, а возглавляемое им течение в черносотенном движении за явный экстремизм и популистские лозунги получило название «революционеров справа»¹³.

Таким образом, на лицо трансформация идейных позиций черносотенцев, на что однозначно указывает в своей монографии С.А. Степанов, который подчеркивает, что «ей сопутствовал раскол черносотенства на соперничающие группировки»¹⁴. Но этот раскол фактически не сказался на подходах правомонархических организаций, в решении социальных проблем. В свою очередь это привело к расколу между руководством и рядовыми членами «Союза русского народа». Следствием этого раскола стало резкое снижение популярности черносотенных идей среди тех слоев трудящихся, которые ранее подхватили «националистические» лозунги на эмоциональном уровне. В современной российской историографии в наиболее концентрированном виде причины не востребованности черносотенных идей выражены авторским коллективом «Истории политических партий России»: «Черносотенцы всегда отдавали приоритет национальному над социальным. Но их рецепты решения общественных проблем не сработали даже применительно к собственным организациям. В кризисный для самодержавия период узкий слой лидеров черной сотни оказался столь же бессильным как и дворянская аристократия и бюрократический аппарат. Что же касается основной массы черносотенцев, то они в этот же период проявили пассивность и равнодушие. Для народа показали более заманчивыми лозунги, выдвинутые революционерами слева. Стремительный распад самых крупных по численно-

ти правых политических партий и столь же стремительный рост рядов социалистических партий после Февральской революции — явление одного порядка»¹⁵. На наш взгляд эта точка зрения может быть дополнена мнением сибирского исследователя В.В. Кучера, который справедливо полагает, что «после поражения революции черносотенные партии не усилились, как этого, казалось бы, следовало ожидать, а, наоборот, стали быстро слабеть, теряя сторонников и переживая частые расколы. Объясняется этот парадокс тем, что их роль в основном была сыграна и правящие круги потеряли интерес к правому экстремизму. Наступившая политическая стабилизация успокоила и те социальные слои, которые потенциально являлись массовой базой черносотенцев»¹⁶. Видимо, генезис правомонархических партий можно объяснить и тем, что сознание людей может, не только адекватно, но и иллюзорно отражать объективное положение данного слоя в обществе, его подлинные интересы. В этом случае целые общественные группы и даже партии создают иллюзорные программы, ставят перед собой ложные цели, прибегают к ошибочным методам борьбы. В этой связи можно предположить, что наряду с относительным успокоением наступило и некоторое разочарование и даже отрезвление тех социальных слоев, которые являлись социальной базой черносотенства. Думается, что этот аспект еще не получил достаточного развития в современной российской историографии.

Характерной чертой современной российской историографии по проблеме правомонархических организаций стало появление региональных публикаций, освещающих деятельность региональные отделений черносотенных партий и организаций на Урале, Воронежской губернии, Центральном Черноземье и особенно в Поволжье¹⁷. Так, Саратовская губерния стала крупнейшим центром черносотенного движения как формы и способа борьбы с бунтом. Исследователи консервативно-охранительного направления в Поволжье подчеркивают, что «главная цель, с которой создавались правые партии и организации, состояла в борьбе с революционным движением»¹⁸. При этом программа Общества церковных старост и приходских попечителей призывала «сплотиться воедино, чтобы дать отпор всем разрушительным силам, действующим во вред вере, царю и отечеству». Симбирское общество людей порядка и законности стремилась «законными и мирными средствами содействовать умиротворению населения и восстановлению правильного течения жизни на началах порядка и законности, исходя из великих принципов, указанных в Высочайшем манифесте 17 октября 1905 г.»¹⁹. Астраханская народная монархическая партия считала своей основной задачей: «1) не допустить Россию до распада; 2) оберечь царя; 3) прекратить смуту; 4) поддерживать в народе искони присущие ему чувства: преданности престолу и святой православной Церкви и не допустить глумления над ними; 5) поддерживать в народе сознание высокого значения военной службы; 6) стремиться к недопущению никаких волнений, смут, и наси-

лий, могущих разрушить или ослабить государство; 7) дать первенствующее значение голосу народа»²⁰.

Поставленная проблема стала важной вехой сибирской историографии. Прежде всего, это серия статей известных сибирских ученых М.В. Шиловского, А.Е. Плотникова, В.В. Кучера, Е.Л. Бузмакова, М.В. Станковой, С.В. Макаrchука и ряда других авторов, которые активно включились в изучение проблемы²¹. Особенно следует выделить монографии и статьи А.П. Толочко²². Анализ имеющейся сибирской историографии позволяет выявить сроки появления организаций правомонархических партий в Сибири (значительно позднее других типов партий) и роль губернского начальства и сибирского духовенства в этом процессе. Все это позволило А.П. Толочко выйти на уровень историографического обобщения, выразившегося в монографическом исследовании, охватившего всю политическую палитру партийных организаций в Сибири начала XX в.²³ Сразу следует отметить, что сибирские исследователи довольно быстро избавились от «болезни» свойственной советской историографии главным образом наклеивавшей ярлыки и раздававшей хлесткие формулировки черносотенцам. При этом исследователи развивают главным образом два сюжета: погромное движение в конце 1905 г. и особая роль сибирского духовенства в сплочении сторонников монархии.

Что касается погромного движения, то этот аспект проблемы еще нуждается в серьезном исследовании. С одной стороны установлено, что погромное движение было не столько связано с деятельностью монархических организаций в регионе, сколько было обусловлено стихийным протестом патриархального населения Сибири, выступавшего против дестабилизации привычных устоев жизни. В то же время вопрос о влиянии погромного движения на формирование и укрепление правомонархических сил остается не исследованным. Видимо, этим можно объяснить пространный и необоснованный вывод М.В. Станковой о том, что царская власть в Сибири и полиция не имели никакого отношения к черносотенным погромам²⁴.

В отношении роли духовенства в сибирской историографии имеются более четкие оценки, когда исследователи не только фиксируют факты активного участия духовенства в черносотенном движении, но и объясняют причины этого явления. Так, А.П. Толочко справедливо считает, что духовенство стремилось таким образом защитить конфессиональные интересы православной церкви. Кроме того, он отмечает, что при отсутствии помещиков роль священнослужителей в процессе консолидации черносотенных сил была существенно заметнее, нежели в европейской части России. По сути, в Сибири, считает Е.Л. Бузмаков, православное духовенство занимало доминирующие позиции в черносотенных организациях всех губернских и областных центров, возглавляя около 20 местных отделов «Союза русского народа» и «Союза Михаила Архангела»²⁵. Этой же точки зрения придерживается и М.В. Шиловский, выделяя при

этом еще одно важное обстоятельство: «По сути дела организационным оформлением деятельности черносотенное движение в Сибири обязано православному духовенству, ибо единственной скрепляющей нитью, связывавшей лиц, различных по происхождению, профессии, образованию (действительный статский советник и ямщик, купец 1-й гильдии и мелкий лавочник, профессор и провизор), выступали религиозные чувства»²⁶.

Анализируя состояние сибирской историографии на современном этапе по проблема правовомонархических организаций, А.П. Толочко подчеркивает, что три блока вопросов оказались в центре внимания сибирских авторов: консолидация правовомонархических сил в Сибири в 1905–1907 гг., формирование местных отделов черносотенно-монархических партий, практическая деятельность черносотенцев в 1906–1917 гг. При этом современные исследователи дали развернутую характеристику их организационной структуры, территориального размещения, социального состава. Кроме того, выделены районы, характеризующиеся разным уровнем политической активности черносотенцев, выявлена динамика создания правовомонархических организаций в крае, хотя имеются некоторые разногласия определения сроков оформления отделов черносотенных союзов в Сибири²⁷, степени результативности практической деятельности местных союзов²⁸. В.В. Кучер специально акцентирует внимание на том, что помимо деятельности легальной, черносотенцы занимались и нелегальной деятельностью. К ним относится террор и запугивание политических противников режима²⁹.

Подводя итоги историографического анализа истории правовомонархических партий в России начала XX в. следует отметить заметный прорыв в раскрытии этого важнейшего направления изучения партийно-политической системы России дореволюционного периода. Конечно, современная российская историография истории правовомонархических организаций получила импульс только благодаря демократизации общества и исторической науки. В то же время в связи с тем, что современная партийная система лишь только формируется в соответствии с Федеральным законом «О политических партиях»³⁰ и потому пока объективно не возможна постановка такого важного вопроса, который во времена КПСС вытекал органически в связи с проблемой генезиса партий: каково соотношение идеологии как формы общественного сознания и политической партии как носителя этой идеологии. Дело в том, что идеология может существовать и без партии. Причем, ее выразителями сначала являются отдельные лица, затем группы людей или слои населения. Политические партии создаются на базе той или иной идеологии, но только тогда, когда идеология распространяется среди сравнительно большой группы людей. Партии затем могут распасться или даже совсем исчезнуть, но идеология продолжает жить значительное время в сознании определенных социальных слоев общества. Это в полной мере касается идеологии правовомонархических партий. Современная российская историография

может большее внимание уделять региональной историографии правомонархического движения и внутрипартийной работы и внутрипартийных отношений на региональном уровне. Кроме того, анализируя современное состояние изучения темы, следует выделить и те вопросы, которые нуждаются в более углубленной проработке. В их ряду вопрос о количестве и численности правомонархических организаций в России, уровень одной из составляющих деятельности черносотенцев — антисемитизма и особенно в Сибири. И последнее. М.В. Шилковский справедливо обратил внимание на некоторые оценочные суждения, которые весьма далеки от науки. Если в значительном количестве публикаций советской историографии «Союз русского народа» оценивался не иначе как «черносотенный сброд» и «погромщики», то в современной российской историографии появились отдельные работы, которые идеализируют программные установки и тактику правомонархических организаций и характеризуют черносотенцев как «образованных людей России», оказавших значительное влияние на воспитание у населения патриотических чувств³¹.

Примечания:

¹ Петрушин Ю.А. Политические партии России: страницы истории: учеб. пособие. Иркутск, 2006. С. 5.

² Обзор литературы о правых партиях и организациях в России... С. 739.

³ Кирьянов Ю.И. Правые партии в России накануне и в февральско-мартовские дни 1917 г.: причины кризиса и краха // 1917 г. в судьбах России и мира: Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997; его же. Численность и состав крайне правых партий в России (1905–1917 гг.): тенденции и причины изменений // Отечественная история. 1999. № 5; его же. Правые организации и рабочие в России (1911–февраль 1917). М., 2001; его же. Правые партии в России. 1911–1917. М., 2001; его же. Русское собрание. 1900–1917. М., 2003; Королева Н.Г. Помещичье-монархические организации в 1905–1907 гг.: образование, структура, тактика // Непролетарские партии России в трех революциях. М., 1989; Саидкасимов С.С. Национальный вопрос в программах политических партий России // Кентавр. 1992. № 1–2. С. 109–120.

⁴ Степанов С.А. Черная сотня в России (1905–1914 гг.). М., 1992; Национальная правая прежде и теперь. Ч.1. СПб., 1992.

⁵ Там же. С. 77.

⁶ Платонов О.А. Покушение на русское царство. М., 2004. С. 275, 281–282.

⁷ Посадский А.В. Черная сотня в Саратовской деревне в 1905–1916 годах // Отечественная история. 2007. № 1. С. 135.

⁸ Михайлова Е.М. Указ соч. С. 133.

⁹ История политических партий в России. М., 1994. С. 73.

¹⁰ Омельяничук И.В. Крестьянский вопрос в программах консервативно-монархических партий России (1905–1914 гг.) // Вопросы истории. 2006. № 7.

¹¹ Правые партии. Документы и материалы. Т. 1. 1905–1910 гг. М., 1998; Т. 2. 1911–1917 гг. М., 1998; Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914–1917 годах // Вопросы истории. 1997. № 4; Правые и конституционные монархисты в России в 1907–1908 г. // Вопросы истории. 1997 № 6.

¹² Программы политических партий России. Конец XIX–начало XX вв. М., 1995.

¹³ Национальный вопрос в программных документах политических партий, организаций и движений России начала XX в. Документы и материалы. Томск, 1998.

¹⁴ Политические деятели России. 1917. М., 1993. С. 265–266; С. 263–365.

¹⁵ История политических партий в России... С. 87.

¹⁶ Степанов С.А. Указ. соч. С. 32.

¹⁷ История политических партий России. С. 87.

¹⁸ Кучер В.В. Указ. соч. С. 41–42.

¹⁹ Нарский И.В. Революционеры «справа»: черносотенцы на Урале в 1905–1916 гг. (материалы к исследованию «русскости»). Екатеринбург, 1994; Абушик В.В. Деятельность монархических организаций Центральной России в период буржуазно-демократических революций (1905–1917 гг.). М., 1995; Размолодин М.Л. Черносотенное движение в Ярославле и губерниях Верхнего Поволжья в 1905–1915 гг. Ярославль, 2001; Михайлова Е.М. Правомонархическое движение в Поволжье в 1905–1907 годах // Отечественная история. 2007. № 1; Посадский А.В. Черная сотня в Саратовской деревне в 1905–1916 годах // Отечественная история. 2007. № 1; Рылов В.Ю. Правое движение в Воронежской губернии. 1903–1917. Воронеж, 2002; Стрелков А.Т. Черная сотня в Центральном Черноземье. Курск, 2000.

²⁰ Михайлова Е.М. Указ. соч. С. 128.

²¹ Правые партии и организации в Поволжье: идеологические концепции и организационное устройство (1905–1917). М., 2002. С. 86, 147.

²² Михайлова Е.М. Указ. соч. С.128.

²³ Кучер В.В. Сибирские организации буржуазно-монархических партий об аграрном вопросе в годы первой российской революции // Революционное и общественное движение в Сибири в конце XIX–начале XX в. Новосибирск, 1986; он же. Православие и политика: из опыта 1905–1907 гг. // Сибирь на рубеже XIX–XX веков. Новосибирск, 1997; Плотников А.Е. Организации политических партий в Сибири в период первой российской революции (1905–1907 гг.). (Перечень м предварительный анализ) // Проблемы классовой борьбы и общественного движения в Сибири в дооктябрьский период. Омск, 1992; Станкова М.В. К вопросу о монархическом движении в 1905–1907 гг.(на примере Омской епархии) // По страницам российской истории. Омск, 1996; она же. Черносотенно-монархическое движение в Западной Сибири в 1905–1917 годах. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Омск, 1999; Бузмаков Е.Л. Образование и основные направления деятельности правомонархических организаций в Западной Сибири // Социокультурные исследования. Новосибирск, 1997; он же. Периодическая печать монархических организаций как источник для изучения истории черносотенных организаций в Западной Сибири // историческая наука на рубеже веков. Материалы Всероссийской научной конференции. Т. II. Томск, 1999; он же. Черносотенные организации в Сибири 1905–1917 гг. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Томск, 2000; Шиловский М.В. Черносотенно-монархическое движение в Сибири начала XX в. // Вопросы истории Сибири XX в. Новосибирск, 1999; Макачук С.В. Городское самоуправление в Сибири: сфера влияния либералов и монархистов в начале XX века // Проблемы истории местного самоуправления Сибири конца

XVI–XX веков. Материалы четвертой региональной научной конференции. Новосибирск, 1999; он же. Монархическая периодическая печать Сибири о евреях (1907–1915 гг.) // Еврейские общины Сибири и Дальнего Востока. Выпуск шестой. Материалы II региональной научно-практической конференции (25–27 августа 2001 года). Красноярск–Иркутск, 2001; Язынин А.Е. Правые монархисты в Тобольской губернии // Политические партии, организации, движения в условиях кризисов, конфликтов и трансформации общества: опыт уходящего столетия. Сборник материалов международной научно-практической конференции. Ч. 1. Омск, 2000; Попов Д.И. культурно-просветительская деятельность черносотенцев в западной Сибири в 1907–1914 гг. // Проблемы историографии, источниковедения и исторического краеведения в вузовском курсе отечественной истории. Тезисы докладов и сообщений IV региональной научно-практической конференции. Омск, 2000.

²⁴ Толочко А.П. Политические партии и борьба за массы в Сибири в годы нового революционного подъема (1910–1914 гг.). Томск, 1989; он же. Черносотенно-монархическая периодическая печать в Сибири как источник по истории общественного движения в крае в 1907–1914 гг. // Проблемы историографии, источниковедения и исторического краеведения в вузовском курсе отечественной истории (тезисы научно-методической конференции). Омск, 1993; он же. Хроника черносотенно-монархического движения в Сибири. 1905–февраль 1917 г. // Материалы к хронике общественного движения в Сибири в 1895–1917 гг. Омск, 1995; он же. Черносотенцы в Сибири (1905–февраль 1917 г.). Омск, 1999; он же. Территориальное размещение, численность и социальный состав черносотенных организаций в Сибири в начале XX в. // Человек в истории. Томск, 1999; он же. Организационное оформление черносотенного движения в Сибири в начале XX в. // Вестник Омского отделения Академии гуманитарных наук. № 4. Омск, 2000.

²⁵ Толочко А.П. Современная отечественная историография партийно-политического движения в Сибири в начале XX в. Омск, 2001.

²⁶ Станкова М.В. Черносотенно-монархическое движение в Западной Сибири... С. 15.

²⁷ Шиловский М.В. Черносотенцы в Сибири... С. 34; Бузмаков Е.Л. Черносотенные организации в Сибири С. 17.

²⁸ Шиловский М.В. Черносотенно-монархическое движение в Сибири начала XX в. С. 26.

²⁹ Станкова М.В. Указ. соч. С. 17; Шиловский М.В. Указ. соч. С. 26–28; Толочко А.П. Указ. соч. С. 35.

³⁰ Бузмаков Е.Л. Указ. соч. С. 17.

³¹ Кучер В.В. Указ. соч. С. 67.

А.М. КУРЫШОВ

ЗЕМЕЛЬНЫЕ СПОРЫ В СРЕДЕ ИРКУТСКИХ БУРЯТ В КОНЦЕ XIX–НАЧАЛЕ XX ВВ. КАК ПРИЗНАК КРИЗИСА ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЙ ОБЩИНЫ

В исторической литературе достаточно распространенным является мнение, что до конца XIX в. у бурят преобладала родовая организация. Под воздействием внешних факторов (в первую очередь — правитель-